со смыслом, интегрированным или дифференцированным по уровням. Указанные критерии распределяются П. Зюмтором по уровням иерархии, в рамках которой возможны перегруппировки. Очень существенно, что жанры выводятся П. Зюмтором из форм речи — безличной, не соотнесенной с настоящим, в отличие от личной, отнесенной к «я» рассказчика и к «здесь и теперь»; речи, коррегированной или некоррегированной с моментом сообщения, а также речи дидактической, лирической, дислогической, с доминированием тех или иных вербальных форм, распределением лексических классов, «типов» и фигур с возможным использованием музыкального компонента.

Из глав, посвященных конкретным видам средневековой французской поэзии, наиболее удачными являются главы о куртуазной лирической поэзии,— вероятно, в силу ее цельности, очень высокой связности (структурированности) и большой степени формализованности поэтического языка, и о героическом эпосе, богатом «формулами». Несколько менее удачен анализ средневековых новеллистических жанров, в которых прежде всего подчеркнуты композиционная замкнутость и дидактичность.

Смелую попытку вывести поэтику фольклора из его специфики представляет вторая книга автора. Книга эта также очень богата как материалом, так и составом идей, но результаты ее все же менее фундаментальны, может быть, из-за недостаточно дифференцированного, т. е. слишком суммарного, глобального рассмотрения народного творчества и чрезмерного его противопоставления литературе. Мы знаем, что и в оценке средневековой поэтики П. Зюмтор отдавал должное устному компоненту, но все же исходил из средневековой «литературности». Теперь отбрасывается всякая «литературность» в пользу «устности» как универсального принципа фольклора. Автор отходит от излюбленного структуралистами понятия «текста» и выведения из текста всех функций словесного искусства, но также игнорирует фольклор как стадию в истории словесного искусства (проблема исторической поэтики). Столкнувшись с тем, что А. Н. Веселовский называл «первобытным синкретизмом» поэзии, П. Зюмтор акцентировал все внимание на нелитературной стороне фольклора, на его необыкновенной ситуативной гибкости и изменчивости и несколько недооценил роль в фольклоре жестких этнологических и «художественных» нормативов. С учетом такой оговорки мы можем оценить все богатое содержание книги П. Зюмтора о народном творчестве, чей пафос во многом близок советской фольклористической школе. П. Зюмтор четко отделяет подлинный фольклор от современной массовой культуры с ее «индивидуальным потреблением» (исключение — вдохновленное устаревшими работами советских фольклористов 30-х годов утверждение о возрождении героического эпоса в «новинах» Крюковой).

Исходная точка исследования — проблема «голоса» как субстрата устности фольклора, как «основателя и хранителя ценности речи и создателя форм речи, способных поддержать социальную связность и мораль группы» (с. 36), как энергии, интегрирующей коллективную историческую память. Голос «действует», а обстоятельства передаются средствами ритуальной игры, отчасти «театра», текст подчинен голосу и фрагментарен, реализует устную «риторику» (ср. с. 147), просодический и музыкальный моменты несравненно важнее вербального. С функциями речи исследователь связывает объект фольклорной поэтики. Сами жанры он соотносит со способом «вокализации» (с. 161). Всячески подчеркивается приоритет исполнителя над «автором», «сотворчество» с аудиторией. Но формульность П. Зюмтор как раз отделяет от устности, протестует против их привычного отождествления (особенно принятого школой Пэрри — Лорда), и это при том, что он всячески акцентировал роль формульности в поэзии средневековой. По этому вопросу, как нам кажется, ответ должен быть строго дифференцированным, поскольку формульность специфична для фольклора, но отрабатывается постепенно, после длительного консервативного бытования традиции. То же самое относится и к жанрам, которые в архаическом фольклоре часто еще не устойчивы и во многом зависят от различных этнологических, не поэтических факторов. В целом же и эта работа очень интересна и поучительна.

Ознакомление с книгами П. Зюмтора принесло бы пользу советским фольклористам, медиевистам, а также теоретикам литературы.

*Е. М. Мелетинский*

Бондарко А. В. **Функциональная грамматика.** Л.: Наука, Ленингр. отдел., 1984, 136 с.

Функциональная грамматика — не абсолютно новая дисциплина, не отрицание обычно понимаемой грамматики как описания системы грамматических единиц, классов и категорий, а специальное развитие функционального аспекта грамматики как целого. Так определяется новое направление автором рецензируемой книги (с. 4). В ней автор и ставит своей задачей, изложив общие основы и историю